

Е. Л. Березович

**«РАЙ ИДЕТ В ЭТОМ РАЙКЕ...»:
К ОБРАЗУ РАЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ***

Слово *рай* принадлежит к числу сакральных терминов с высокой ценностной нагрузкой, что обуславливает острую зависимость его от мировоззренческих изменений, особенно такого «геологического сдвига», как переход от язычества к христианству. При этом слово сохраняется в языке с праславянской эпохи, переплавляя мощные идеологические «потрясения» в некий целостный, хотя, разумеется, неоднородный смысловой комплекс. Кроме экстралингвистических факторов, семантика *рая* и его производных испытывает существенное влияние факторов внутрилингвистического порядка: изучаемое слово, фонетически яркое, но краткое и созвучное ряду других лексических единиц, обладает высокими контаминационными возможностями, свойством притяжения к «соседям» по языковой системе, причем процессы притяжения влияют на содержание представлений о рае. При изучении языкового образа рая кажется небезполезным попытаться отделить (разумеется, в высшей степени условно!) «книжные» представления о нем, отраженные в литературной форме существования языка, от «народных», традиционных. В настоящей статье мы обратимся к русскому народному образу рая, запечатленному в диалектной лексике и фразеологии, частично общенародном языке, а также в народной топонимии.

В языковых представлениях о рае выделяется несколько аспектов:

- пространство рая;
- «чувственный» (перцептивный) рай;
- смерть человека и рай;
- культурная символика.

Кратко опишем эти аспекты.

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

Пространство рая

Рай — «укромное местечко». Рай воспринимается как отдельное, выделенное, нередко огороженное пространство, ср., например, забайк. *ра́йник*, *раёк* 'огороженное место, где держат телят': «Раек рядом со двором, маеты с телятами нету» (Элиасов 350; СРНГ 33, 251), костр. *раёк* 'огороженный участок леса, предназначенный для вырубki' (ЛКТЭ). Райское пространство, как правило, небольшое и укромное, это именно «местечко», — неслучайно среди дериватов слова *рай* активно функционирует уменьшительно-ласкательное *раёк* (ср. выразительный фрагмент из басни И. А. Крылова: «Лягушка на гору весной Переселилась; Нашла там тинистый в лощинке уголок, И завела домок Под кустиком, в тени, меж травки, как раёк» (ССРЛЯ 12, 85)). Подобные уменьшительные формы знакомы и другим славянским языкам: укр. *райок*, польск. *raik*, чеш. *rajek* и др. (ср. чеш. «Slastně dumalo se v tomto skrytém rájku» (PSJČ IV/2, 607)). Любопытно, что в результате калькирования некоторых значений франц. *paradis* или итал. *paradiso* (об этом ниже) в русском языке — при точной передаче заимствованной семантики — может использоваться уменьшительная форма, не употребляющаяся в романских языках (хотя семантика «укромного места» романским языкам знакома, ср. франц. *paradis* 'бассейн в порту для укрытия судов' (АВВУ Lingvo 11)). Об «укромности» рая говорит и устойчивое сочетание *райский уголок*, которое, возможно, калькирует соответствующие романские обороты, ср. франц. *petit coin de paradis*¹. Подобная пространственная трактовка рая фиксируется и вне системы языка: в славянских народных верованиях рай иногда предстает как огороженное, замкнутое пространство, обнесенное высокой стеной, что сближает его с городом, ср. также укр. (черниг.) представление о том, что в люди в раю живут в клетушках, малюсеньких комнатках (Белова, Толстая 2009, 399).

Рай находится наверху. Признак верхнего расположения лежит в основе устар. *раёк* 'галерка, верхний ярус в зрительном зале театра' (ССРЛЯ 12, 84). Значение 'галерка' калькирует франц. *paradis* 'верхний балкон (в театре)', отмеченное во французском языке с 1606 г.; французское слово мотивировано не только признаком собственно верхнего расположения², но и тем, что в этой части сцены в мистериях изображался рай (NLI 6, 665; см. также ЕСУМ 5, 18; Кипарский 1956, 136 и др.)³.

Ландшафтный облик рая. Вопрос о ландшафтном рае пред-

ставляет особый интерес, поскольку тесно связан с этимологией слова *рай*, вызывающей острые споры. До недавнего времени в этимологической литературе чаще всего встречалась версия об иранском заимствовании со значением 'богатство, счастье' (Фасмер III, 435–436; БЕР 5, 163–164 и др.), однако в последние пятнадцать лет все больше сторонников находит гипотеза, наиболее подробно разработанная О. Н. Трубачевым (вслед за Калимой, Копечным, Кипарским и др.), которая вписывает *рай* в глагольное и.-е. гнездо **rei-/ *roj-/ *rōj-* 'течь', куда входит и слав. **rěka* 'река' (Трубачев 2002, 190, 417, 421; 2004, 407–408) (сочувственно относятся к этой идее и развивают ее также (Журавлев 2005, 287–291; Snoj 600; ЭСБМ 11, 66–69 и др.)). В этом случае **рай** — «**связанный с течением = заречный, находящийся за рекой (водой)**». Расширяя смысловые рамки, заданные собственно внутренней формой слова, следует трактовать рай как потусторонний мир, заречный «тот свет», куда отправлялись души умерших – вне зависимости от того, «праведные» они или нет (Трубачев 2002, 421). Данная версия выглядит особенно убедительной с учетом культурного контекста — широко распространенных как в индоевропейских традициях, так и за их пределами воззрений на смерть как преодоление водного пространства, о нахождении страны мертвых за рекой или морем (МНМ I, 453; Седакова О. 2004, 52–53; Журавлев 2005, 290, 921 и мн. др.). М. Малец (вслед за Г. Риттер) вписывает пару **rajь < *rojiti* в ряд **gajь < *gojiti*, **krajь < *krojiti*, указывая, что в семантике всех трех слов есть сема «выделенного участка земной поверхности»; при этом «гай» предполагает локализацию в лесу, а «рай» – за водой или за горой (Malец 2000, 282).

При всей привлекательности и обоснованности «водной» версии несколько смущает то обстоятельство, что мы располагаем скудными собственно языковыми подтверждениями «заречности» («водности») рая. О. Н. Трубачев приводит (кроме предполагаемого родства *рай* и *река*) единственный пример из А. Н. Афанасьева о связи представлений о рае и водных источниках у славян: «Два братца <ведра> пошли в рай купаться» (вариант «в воду») (Трубачев 2002, 190).

В поисках решения вопроса о ландшафтном рае (и особенно — связан ли он с водой) естественно обратиться к данным топонимии, где можно предполагать наличие метафорических названий, образованных от интересующей нас основы. Обнаружилось, что изучаемая основа весьма редко служит производя-

щей для топонимов. В топонимическом массиве Русского Севера и Поволжья (Архангельская [Арх.], Вологодская [Влг.], частично Ярославская [Яросл.] и Костромская [Костр.] области) встретилось 18 «райских» названий, причем 13 обозначают поля, луга и урочища, 2 — населенные пункты, 2 — ручьи, 1 — озеро (ТЭ). Топонимы с основой *рай-* имеют, как правило, прозрачные мотивировки, обозначая красивые, удобные для использования и ценные в хозяйственном отношении объекты, например: покос *Рай* (В *Раю*) — «Уж там очень хорошо, избушки на берегу, место красивое, родник там недалеко» [Арх., Няндомский р-н, д. Лужная]; деревня *Рай* (официально *Чернухинская*) — «Хорошая в природных отношениях» [Арх., Вилегодский р-н, д. Маленькая]; урочище *Раёк* — «Место красивое, вот и Раек» [Арх., Верхнетомский р-н, д. Горка]; ручей *Раёк* — «Не замерзает никогда ручеек, интересный такой», «Там было место интересное, красивое, как прохладой тянет», «Дивно воды там, не пересыхает он», «Место это меж горами, там меньше ветер гуляет, из-за этого и названо» [Влг., Великоустюгский р-н, дд. Анциферово, Мителёво, Первомайское]; урочище *Раёк* — «Грибы росли хорошо, рай там был» [Влг., Шекснинский р-н, д. Мушкино]; урочище *Рай* (*Райская Согра*) — «Рай назвали, потому что и сенокос, и озеро с рыбой, и речка — все рядом» [Арх., Шенкурский р-н, д. Шахановская]; покос *Раёк* — «Меж горками он, место красивое. Запоют девки — рай⁴ идет в этом Райке» [Яросл., Некрасовский р-н, д. Искробол].

Подобная мелиоративная семантика отражена и в микросистеме смежных названий д. *Хорошая* — хутор *Рай-Место* [Костр., Межевской р-н, д. Никола]. Приведем примеры некоторых других названий, зафиксированных без мотивирующих контекстов: гора *Раёк*, поле *Райское Поле* [Арх., Холмогорский р-н], покос *Раеположенский* [Арх., Няндомский р-н], покос *Рай*, отмель на озере *Рай* [Влг., Кирилловский р-н], озера *Райские* [Арх., Онежский р-н], ручей *Рай-Поток* [Костр., Буйский р-н].

Райские названия, по всей видимости, могут иметь не только реальные, но и «благопожелательные» (дезидеративные) мотивировки, за которыми стоит стремление говорящего наделять объект желаемыми свойствами. Ср. свидетельство Е. М. Поспелова о том, что первый компонент ойконима *Рай-Семеновское* (во второй половине XVIII в. это была пышная усадьба Нащокиных в Московской губернии) — типичное название для помещичьих усадеб (Поспелов 1979, 128). Возможно, сходным образом мотивированы *райские* названия, зафиксированные Географическо-

статистическим словарем Российской империи П. Семенова: все семь имеющихся в словаре топонимов являются обозначениями населенных пунктов (слобода *Рай-Александровка* в Харьковской губернии, села *Райгородок* в Астраханской губернии, *Райгород* в Киевской губернии, *Райское* в Пензенской губернии и др. (Семенов IV, 270–271), а именно в ойконимии — наиболее искусственном из всех топонимических разрядов — можно ожидать появления редких для народной топонимии дезидеративов. Интересно и то, что во всех *райских* поселениях, названия которых отражены в этом словаре, есть церкви: это, возможно, имеет непосредственную связь с соответствующими топонимами.

Сходная картина обнаруживается в топонимиконах других славянских стран. Например, в польской топонимии зафиксировано 22 названия, образованных от основы «рай» (*Rajsko, Rajgród, Rajec, Rajskie, Rajewo* и др.), при этом 20 топонимов обозначают части населенных пунктов, а 2 — целиком населенные пункты. Основная мотивировка названий — «райское (т. е. положительно оцениваемое) место» (Malec 2000, 280–281). В чешской топонимии основа «рай» тоже представлена в 22 наименованиях (*Rájov, Ráj, Rajec, Rajsko* etc.), среди которых преобладают обозначения населенных пунктов (Lutterer 1968, 211)⁵.

Таким образом, топонимия не «высказывается» в пользу «водности» рая (в западнославянском материале обозначений водных объектов нет вообще; русские ручьи *Раёк* и *Рай-Поток* — единичные названия в миллионном массиве топонимии Русского Севера и Поволжья, привлеченном нами к анализу). Очевидно, подобными данными владел М. Фасмер, который использовал их в качестве аргумента против связи слов *рай* и *река*: «... в рус. гидронимии не сохранилось никаких следов употребления *рай* в знач. 'река, течение'» (Фасмер III, 436). Вот как реагирует на это О. Н. Трубачев: «Их <следов. — Е. Б.> и не нужно было ожидать, во-первых, учитывая <...>, что **rajь* — не река, а производное от такого названия, а, во-вторых, потому что перевод слова **rajь* в *termina sacra* мог уже тем самым повлечь запрет на первичные апеллативные употребления» (Трубачев 2002, 190). Авторы ЭСБМ, комментируя данное высказывание О. Н. Трубачева, замечают, что в дохристианских славянских верованиях нет однозначной связи между раем и рекой: рай может соотноситься с понятием 'край моря' и 'край неба, горизонта' (это подтверждается, согласно Безлаю, также скандинавскими, сирийскими и др. верованиями). Таким образом, скорее речь идет о понятии водно-

го простора (ЭСБМ 11, 67). Хотелось бы присоединиться к этому мнению, напомнив, что семантика **reĭ-/*roĭ-/*rōĭ-* связана не только собственно с течением, но вообще с реющим движением, парением (подробнее об этом см. ниже). Быть может, следует сделать еще один шаг в обсуждении этимологии слова *рай* — и, отказавшись от упоминания реки («место за рекой»), сделать акцент на способе передвижения души в рай («реянии» — полете, плавании)? Тогда **рай** — «место, куда реют души умерших». Ср. костромской фразеологизм *реет душа в рай* ‘о чувстве радости, удовольствия’ (ЛКТЭ)⁶, в котором отражена своеобразная *figura etymologica*. Эта идея высказывается здесь лишь только в качестве полемических «дрожжей», реплики в споре, достаточного доказательного материала еще не собрано.

Такая мотивировка действительно, снимает необходимость в непереносном присутствии основы *рай* в гидронимии и вообще при обозначении собственно воды⁷.

Заканчивая описание райского ландшафта, отметим, что в языковой традиции можно усмотреть и рефлексы представлений о **райских садах**. Они проявляются в названиях деревьев и других растений, образованных от корня *рай-*. Это обозначения душистых и красивых древесных пород — тополей (чаще всего пирамидального тополя), сирени, клещевины: *райское дерево* (*рай-дерево*) донск. ‘растение *Ricinus communis* L., клещевина’⁸: «Рай-дерево цветет маленькими беленькими цветочками, а листья большие, как гусятинная лапка», таврич. ‘растение *Populus nigra* L., сем ивовых, тополь черный, осокорь’, (б.м.) ‘растение *Populus balsamifera* L., сем ивовых, тополь бальзамический’, *рай-дерево* ворон. ‘вид пирамидального тополя’, (б.м.) ‘растение *Populus laurifolia* L., сем. ивовых, осокорь, пахучий тополь’, курск. ‘растение *Syringa* L., сем. масличных, сирень’ (СРНГ 34, 85–87; Анненков 267), (р. Урал) *раёк, райна, райнка* ‘пирамидальный тополь’: «Рости-ка, моя райнка, Век ты без верха. Живи ты, моя родная мамынька, Век ты без меня»; «Раёк садовой» (Сл. яиц. каз. 3, 505; Донск. словарь 3, 81; СРНГ 33, 251) и др.

Не обходится образ рая без **райских яблок**: (б.м.) *райская яблоня* ‘вид низкорослой мелкоплодной яблони’, донск. *раички* ‘сорт мелких, райских яблок’, киргиз. (рус.) *райка* ‘сорт мелкоплодной яблони’ (СРНГ 34, 87, 84, 86); ср. также контекст «Посредине — на золотой перине, а ты на краю — в яблочном раю» (Сл. яиц. каз. 3, 505).

Показательно, что «райское дерево» не является «жестким»

ботаническим термином. На разных территориях это могут быть различные растения, главное — чтоб они радовали глаз, вкус и обоняние. Ср. польск. *rajówka* ‘разновидность имбиря’ (Варшавский словарь 5, 468), *rajskie drzewo* ‘растение *Echinosia agallocha*’ и др. (Варшавский словарь 5, 468–469), болг. *райско дърво* ‘небольшое дерево, похожее на персик, которое цветет пышно и красиво, но не дает плодов’, *райско дръвче* ‘цветок, который цветет в мае’ (БЕР 5, 163–164), укр. *рай дерево* ‘растение клещевина’ (Анненков 299), серб. *rajsko drwo* ‘растение *Aloe*’ (Анненков 25), хорв. *rajski muhar* ‘растение из семейства *Muscicaprifera*’ (RJA XIII, 9) и др.

Отметим, что «садовые» мотивы распространены только в южных говорах России (это понятно, поскольку культура садов является преимущественно южной) и не играют основополагающей роли в создании русского языкового образа рая⁹.

«Чувственный» рай

«Чувственный» аспект образа рая разработан в языке подробнее и выразительнее, чем пространственный (ландшафтный). Можно сказать, что рай — универсальный «объект чувствования», он воспринимается едва ли не всеми органами чувств: и зрением, и слухом, и обонянием, и вкусом, и даже тактильно — через температурные ощущения.

«Зрительный» рай — многоцветный и яркий. Рай раскрашен в буквальном смысле слова в радужные цвета, ср., к примеру, диал. шир. распр. *райдуга* (*рай-дуга*) ‘радуга’: моск. «Ой, какая райдуга на небе красивая»; эст. (рус.) «Какая райдуга яркая, дождя боле не будет»; карел. (рус.) «Радугу райдугой называли, дуга с рая. Райдуга така голуба, дождя больше, знать, не будет» (СРНГ 34, 85; Словарь Карелии 5, 439; Даль² IV, 56; Опыт 188; Карт. Сл. Рус. Севера и др.), ср. также *райская дуга* ‘радуга’ (Орловский словарь 12, 76). Несмотря на то, что это слово — результат вторичного сближения *рай* ↔ *радуга*, его появление весьма симптоматично и основано, в первую очередь, на признаках многоцветности, яркости. Возможность этого сближения подкрепляется народными представлениями о том, что радуга — это мост между земным миром и раем (Белова 2009: 387). Семантическая близость *радуги* и *рая* проявляется также в том, что они развивают изосемантические переносные значения, ср. *раёк* ‘радужная оболочка глаза, радужка’ (ССРЛЯ 12, 84).

Выделенный мотив развивается также в следующих словах: *райсбора* 'сборка, оборочка подола юбки из мягкой ткани': «Любят, чтоб райсборы цветастыми были: вся красота в юбке, когда райсбора красивая» (Элиасов 350), *рай* 'всякое граненое стеклышко, показывающее предметы в радужных цветах, стеклянная призма' (Даль² IV: 56), арханг. *райки* 'разноцветные картинки, открытки, кусочки бумаги, фантики': «Из райков всяких домичек склеила», «Нарежут детишки райков, друг с другом составляют» (Карт. Сл. Рус. Севера).

Последние два слова дают ключ к пониманию устар. *раёк* 'ящик с увеличительными стеклами для рассматривания картинок, показ которых (на ярмарках XVIII–XX вв.) сопровождался особыми пояснениями; кукольный театр' (ССРЛЯ 12, 84; Даль² IV, 56). Помимо идеи многоцветности, в основе этих значений лежит метонимический перенос «содержание зрелища» → «арена, где разворачивается зрелище», ср. гипотезу А. Н. Веселовского, согласно которой название *раёк* произошло от разыгрываемого в кукольном театре «райского действия», т. е. показа сцен с Адамом и Евой при помощи разрисованных неподвижных фигур. Постепенно «райское действие» было вытеснено комическими эпизодами, картинами светского содержания (излагается по (Некрылова 1988, 55–56). *Раёк* 'ящик с увеличительными стеклами...; кукольный театр' дается в Словаре современного русского литературного языка как омоним по отношению к другому театральному *райку* (со значением 'галерка'), о котором речь шла выше. Несомненна производность обоих слов от *рай*, но возникает вопрос, связаны ли эти лексемы отношениями семантической выводимости. Думается, на этот вопрос следует ответить отрицательно: рассматриваемые слова появились параллельно. Мотивировку «кукольного» *райка* мы только что обсудили, а *раек* 'галерка' калькирует французский источник.

«Слуховой» **рай** — **наполненный звуками**. Вопрос о роли звуковых признаков в языковом образе рая непрост. Дело в том, что в русском языке есть два *рая*, которые в синхронной языковой системе омонимичны — *рай*¹ 'terminum sacrum' и *рай*² костр., нижегор., яросл. 'шумный, долгий или отдаленный гул, раскаты': «В горах от грома рай стоит», «Лесы от раю стонут», волог., костр., нижегор., новосиб., яросл. 'отголосок, отзвук, эхо': яросл. «Чу, какой рай-от», костр. «Охотники гончих закинули — рай лесом идет» (СРНГ 34, 84; ЛКТЭ)¹⁰. По мнению М. Фасмера, «звуковой» *рай* не связан по происхождению с «сакральным»

и может быть соотнесен с ц.-слав. *parь* 'звук', укр. *parig*, чеш. *raroh*, словац. *rároh*, польск. *raróg*, в.-луж. *raroh* 'вид ястреба', далее с лит. *rojóti, rojóju* 'тревожно каркать', *rieju, rieti* 'кричать, ругаться' и т. п. (Фасмер III, 436). Эта версия выглядит недостаточно убедительной ни с формальной, ни со смысловой стороны. Авторы ЭСБМ поддерживают ее лишь частично: они сравнивают рус. *рай* 'отдаленный гул' с ц.-слав. *parь* 'гул', подключают в это же гнездо блр. *райкаць* 'квакать', квалифицируя все эти факты как звукоподражания. Исходную звуковую семантику считают неспециализированной, а сопоставление с названиями птиц, приводимое Фасмером, не принимают (ЭСБМ 11, 71).

В то же время были попытки отождествить «сакральный» и «звуковой» *рай*: такова версия Будимира (ее упоминает, не обсуждая, О. Н. Трубачев в своих комментариях к словарю М. Фасмера (Фасмер III, 436).

Хочется предложить следующее решение. «Сакральный» и «звуковой» *рай*, как представляется, действительно связаны этимологически, но это связь не «выводная», а параллельная, предполагающая независимое (хотя и с последующими сближениями) развитие на базе одного корня. Как говорилось выше, для гнезда глагольной лексики **rej-/*roj-/*rōj-*, к которому принадлежит **rajь*, восстанавливается исходное значение 'течь' (Трубачев 2002, 190). Очевидно, идея «течения» могла быть перенесенной на передвижение в другой среде — особенно «парение» в воздухе (или же исходно течение и парение воспринимались синкретично), давая семантику плавного распространения движения — буквально «реющего». Сам литер. глагол *реять* 'летать плавно и легко; парить' принадлежит к гнезду **rej-*, ср. также значения родственных слов в говорах: арханг. *ходить реями* 'лавировать (о судне)', *лететь реей* 'о птицах: парить в воздухе' (Карт. Сл. Рус. Севера), *реять* смол. 'струиться, течь (о крови)', новг. 'лавировать (о судне)', псков. *реяться* 'идти навстречу, пробираться, напирать на кого-л.', 'бегать' (СРНГ 35, 92), псков. *роуться* псков. 'идти на лодке под парусом (против ветра)' (СРНГ 35, 167) и др. Подобным образом — плавно, волнообразно — распространяется звук. Поэтому «звуковой» *рай* вполне естественным образом можно «вписать» в гнездо **rej-/*roj-/*rōj-*; в смысловом плане такое решение можно считать особенно уместным, если учесть, что *рай* — это не столько звук, сколько отзвук, гул, эхо, т. е. такие звуковые явления, которые осмысляются наиболее динамично (а их обозначения сочетаются с «пространственными» глаголами

идти, стоять и др.). Значит, оба *рая* «сепаратно» появились в гнезде **rōj-*, однако судьбы этих слов после рождения не раз пересекаются и скрещиваются. Виной тому — не только формальное тождество лексем, но и смысловая поддержка для идеи звука в комплексе представлений о рае: например, в русских духовных стихах пение — неременный атрибут рая; земное пение считается «отзвуком» <так! — Е. Б.> рая, признаком святости и праведной жизни (Белова, Толстая 2009, 397). О широком распространении подобных представлений свидетельствует устойчивое выражение *райское (ангельское) пение*. Притяжение двух *раев*, думается, чаще всего происходит имплицитно, однако в некоторых случаях оно «выходит на поверхность», ср. приведенный выше ярославский контекст «Запоют девки — рай идет в этом Райке», а также новосиб. выражение *рай идет* ‘очень хорошо, весело’ с контекстом «Так девки поют, только рай идет» (Новосиб. словарь 459). Думается, данная дефиниция неточна — и контекст предполагает именно «звуковое» веселье, обнаруживающее как раз сближение двух *раев*.

Укажем, наконец, что версию о производности «звукового» *рая* от **rōj-* не следует считать единственно возможной. Можно предполагать и собственно звуковую (звукоподражательную) мотивировку, но вряд ли стоит привлекать ц.-слав. *рарь* ‘звук’, а также словесные изображения кваканья и криков птиц. Фонетический комплекс *рай* весьма выразителен и может мотивировать «сам себя», ср. звукоизобразительное *грай*, а также ворон., липец. *рай-рай* ‘музыкальный инструмент (гармоника, балалайка, гитара)’ (СРНГ 34, 84). Эта версия выглядит вполне оправданной, хотя чуть более слабой, чем предыдущая. В любом случае *рай* звуковой и *рай* сакральный взаимодействуют друг с другом как формально, так и семантически.

«Тепловой» **рай**. О восприятии рая как «теплого места» говорят такие факты, как арханг. *райский* ‘теплый, находящийся на пригреваемом солнцем месте’: «В райском месте быстрее вырастает» (Карт. Сл. Рус. Севера), костр. *раёк* ‘место, где тепло’: «Окол печки такой раёк, быстрее забродит» (ЛКТЭ)¹¹. Думается, что на основе признака тепла произошла народно-этимологическая трансформация слова *рей* ‘рига, овин’, распространенного в западных говорах России и русских говорах Прибалтики (СРНГ 35, 43), которое, «притянувшись» к *раю*, дает *рай* ‘овин, рига’ (Даль² IV, 56).

В плане семантических параллелей интересно отметить,

что признак «теплый» отчетливо выступает и в семантике рус. диал. (волог.) *выре́ц* ‘рассадник, парник’. Это слово, по мнению В. А. Меркуловой, соотносится с вост.-слав. *вырей* (*ирей*, *ирий*) ‘теплые страны’, ‘южные края, куда птицы улетают зимой, сказочная страна’¹²; при этом для *выре́ц* реконструируется исходное значение ‘теплица’ (Меркулова 1993, 196).

Признак тепла «рифмуется» с признаком «укромности» рая, о котором речь шла выше. Небольшое укромное местечко обычно как раз бывает теплым.

«Обонятельное»¹³ и «вкусовое» ощущение рая отдельно в языке не отражается, но соответствующие мотивы представлены в образах райских деревьев (садов, яблок), о которых речь шла выше.

Перцептивные «впечатления» о рае, которые мы описали по отдельности, предстают целостно в **общей позитивной оценке рая**, в идеях удобства, благополучия, «приятности», удовольствия, блаженства, счастья, связанных с раем. Языковых фактов, отражающих эту идею, очень много; приведем лишь некоторые: курск. *израительный* ‘погожий, прекрасный (о дне)’: «Израительная погода» (СРНГ 12, 167); ряз. *раёк* ‘хорошо, удобно’: «Щас раек — дрова близко, а то без дров намучился» (СРНГ 33, 251); *рай летают (полетели)* ‘о тихой, спокойной обстановке в доме, квартире’: «Биз ниво-тъ у доми рай литають: никто ни ругаитца, усё спакойна», «Галькя уехалъ, так домъ прямъ рай литають», Всё, вчира сын с нивескый атсилили, типерь домъ рай литають» (Орловский словарь 12, 76); *рай Христов* ‘хорошо, приятно (о благополучной жизни)’: «Сичас рай Христов народу жить» (СППП 65); *рай* ‘счастливая жизнь’: «Лето-то от рая, а зима от муки» (Сл. яиц. каз. 3, 505); ряз. *какой рай* ‘как хорошо’: «Я б на печку легла — какой рай, а не влезу», «То бывало — какой рай, получишь деньги и все», «В Москве — какой рай, ни скотины, пошел в магазин, купил»; ворон. *рай открылся* ‘началась счастливая жизнь’: «А счас уж рай открылся, жить стало хорошо»; влад. *рай* ‘удача, счастье’: «Рай такой шолде <старой, неопрятной женщине> хорошего жениха найти»; ряз. *рай* ‘о чем-л. приятном, легком’: «Весной-то — рай, в одной рубашке можно бегать, вымыл ее и иди. Вот рай-то: перемоешь, и высушишь, и одевай» (СРНГ 34, 84) и др.

Как видим, рай — в широком смысле категория состояния; соединяя грамматику с наивной психологией, можно сказать, что это категория состояния души.

«Райское состояние души», блаженство нередко связывается с

представлением об особой близости к Богу, что, в свою очередь, порождает значение **аномальности**, а затем — **интеллектуальной неполноценности**¹⁴, ср. арханг., волог. *раич* ‘юродивый, межеумок, полудурок, ненормальный, дурак’, *райка* ‘дура’ (Карт. Слов. Рус. Севера). К этому же ряду можно отнести псков., твер. *райт* ‘ходить, искать чего-то без сознания’, а также производное от него псков., твер. *райха* ‘тот, кто раит’ (ДО 228)¹⁵, поскольку здесь речь идет о пребывании в некоторой прострации, предполагающей отрешенность от земного и обращенность к небесному. Подобного рода переходы широко известны, ср. литер. *блаженный* ‘юродивый; глуповатый, чудаковатый’, влад. *Аноха-праведник* ‘о простофиле, дураке, глупце’, сиб. *Аноху строить* ‘представляться простофилей, дураком, глупцом’ (СРНГ 1, 260), арханг. *преподобный* ‘глуповатый, чудаковатый, блаженный’ (СРНГ 31, 88), арханг. *богорáдный* ‘то же’, курск., орл., псков., смол., твер. *божевольный* ‘одержимый припадками, помешанный, сумасшедший, безумный’, ряз. *божий человек* ‘юродивый, придурковатый, идиот’ (СРНГ 3, 42, 62, 64) и проч.

Здесь обрисован путь от «блаженства» к «сумасшествию» через опосредующее звено, связанное с «богоизбранничеством». Такой переход возможен и на базе «собственных ресурсов» идеи блаженства, связанной с весельем, дальше, возможно, с утратой интеллектуального контроля над поведением (ср. распространенный переход ‘веселиться’ → ‘шалить, чудить’ → ‘вести себя странно; проявлять признаки сумасшествия’).

Таким образом, канонический образ рая как блаженного состояния души весьма негативно осмысливается народным сознанием, сменяясь представлением о неадекватности отражения человеком реальной действительности, а отсюда — о его интеллектуальной неполноценности.

Смерть человека и рай

Исследователи славянской народной культуры весьма уверенно говорят о том, что в дохристианских воззрениях рай — это мир мертвых без деления на «хороших» и «плохих». На языковом уровне подтверждением тому служат, к примеру, южнославянские обозначения покойников: словен., хорв. *rajni* ‘умерший, покойный’, *rajnik, rajnica* ‘покойник, покойница’ (Белова, Толстая 2009, 307). Возможно, семантическим дериватом **rajь* является и болг. диал. *рай* ‘гроб’, которое БЕР дает с пометой «неясно» (БЕР

6, 164). В русском языковом материале отражением темы смерти можно считать волог. *рай искать* 'испытывать предсмертную агонию': «Отошла от его, а вернулась — он уже рай ищет, бьётся весь», арханг. *зарайть* 'начать испытывать агонию': «Зарайла, через три минуты душа отлетела» (Карт. Слов. Рус. Севера). Интересен костр. фразеологизм *пойти раем* 'умереть мгновенной смертью или умереть во сне': «Которы не видали смерти, про тех говорят, что пойдут раем. Умер — пошёл раем. А которы петаются перед смертью, про тех не говорят»; «Мучился, петался — скажут, умёр. А если не мучился, дак пошёл раем» (ЛКТЭ). В смысловом наполнении этого фразеологизма слышен отзвук христианских представлений (во сне или мгновенно умирают праведники).

В целом собственно тема смерти редка для «райской» лексики; гораздо чаще в языке отражается тема путешествия души в рай. Некоторые языковые факты такого рода были поданы выше; приведем еще ряд фразеологизмов: *душа в рай бегаёт* 'кто-л. испытывает приятные чувства': «Намерзлися, в тепло залегли, дак прямо душа в рай бегаёт» (ФСПГ Душа), *в рай на семі лошадах* 'к чему-л. благоприятному': «Он метит на председателево место, хочёт в рай на семи лошадах. Не выйдёт» (ФСПГ Лошадь), *в рай не съездить (на ком-н.)* 'не получить помощи от кого-н.; не иметь проку': «Один старик говорил: "На мне в рай не съездишь"» (Словарь Карелии 5, 438), простореч. *понеслась душа в рай* 'о чувстве удовольствия' и др.

Культурная символика

Особую группу составляют «райские» слова, несущие символическую нагрузку в контексте разного рода обрядов.

В календарной обрядности тема рая возникает в связи с новым годом и Рождеством: вят. *рай* 'обрядовая песня, которая хором поется накануне нового года (в ней говорится о рае и Адаме)', вят. *ра́йщик* 'тот, кто колядует, колядовщик' (СРНГ 34, 84, 87). Помимо непосредственной «сюжетной» связи с раем (о котором поется в песне), в этих словах, по всей видимости, отражены обобщенные мелиоративные коннотации, широко представленные в вербальном «оформлении» новогодней обрядности (ср. слова с корнем *весел-*, *щедр-*, *бог-/бож-*, *рад-* и др.). Лексика такого рода способствует магическому моделированию счастливого года. Ср. также польск. *rajskie drzewko* 'Boże drzewko, рождественская

елка' (Варшавский словарь 5, 469)

«Райская» тема звучит и в лексике родинного обряда: ставроп. *рай* 'обряд, совершаемый на второй день после крестин, когда гости, сидящие за столом, обвязываются лентой' (СРНГ 34, 84), арханг. *райки* 'пожелания ребенку при первом купании' (Карт. Слов. Рус. Севера), ср. также укр. харьк. *ходить в рай* 'обычай обмывания рук роженицы на второй день после крестин (после чего участники, кроме роженицы, идут в шинок угощаться за счет бабки)' (ЭСБМ 11, 69)¹⁶. Если новогодняя обрядность моделирует благополучное течение одного года, то родинная — всей жизни человека. Благопожелательные и охранные интенции пронизывают весь родинный текст, особенно обрядность после рождения ребенка (см. об этом в (Седакова И. 2007, 399–447)). К примеру, при купании белорусы пели песни с пожеланием ребенку стать счастливым и богатым (Там же, 405), — очевидно, такие же пожелания содержались в архангельских *райках*. Обычай обвязывания лентой гостей после крестин в ставропольском обряде *рай* находит переклички с обрядностью семейских Забайкалья: на сороковой день после рождения ребенка <обычно в это время происходили крестины. — Е. Б.> повитуха приносит пояс и подпоясывает им ребенка со словами: «Как шнур длинен, так жить тебе долго! И как шнур белой, так быть и тебе, рая видать и в горестях не бывать!» (Кабакова 2009: 84).

К описываемой группе примыкает также собственно церковная терминология, ср. пенз. *райские двери* 'царские врата в алтаре' (СРНГ 34, 86). Появление этого выражения мотивировано параллелизмом *райских* и *царских врат* в народных верованиях: считалось, что врата рая открываются на Пасху — и души отправляются на землю к своим близким; в это же время — в течение Светлой недели — в церкви открыты царские врата (Белова, Толстая 2009, 399). Отметим, что определенную роль здесь может сыграть аттракция *райский* — *царский*.

Итак, здесь описан смысловой комплекс, который представлен в фактах левой и правой мотивации, связанных с русским словом *рай* (т. е. в этимологическом значении *рая* и в мотивационных значениях его дериватов, а также во фразеологизмах, включающих изучаемое слово). При своей многоплановости языковая концепция *рая* весьма целостна: выделенные аспекты соединены многими перекрестными связями, которые мы старались отмечать в ходе изложения. Специфическая черта языковой концепции *рая* —

особая роль лингвокреативных факторов при формировании отдельных смысловых блоков: ср. внутрignetовые контаминации *рай*¹ ↔ *рай*², а также аттракции *рай*- ↔ *рад*-, *рай*- ↔ *цар*-. Список притяжений этим не исчерпывается, ср. притяжения в духе «нового времени»: *раёк* ↔ *ларёк* (рус. (одесск.) *раёк* ‘ларёк’: «У раёк хлеп привизли» (Словарь Одесщины 2, 133)) и даже *рай* ↔ *рай*- — в «советских» аббревиатурах от *район* (арханг. «В райпо <магазинах районных потребительских обществ. — Е. Б.> всего есть, как в раю» (Карт. Сл. Рус. Севера). «Райская» тема — как к этому ни относиться — открыта в пространстве времени и языка.

Примечания

¹ Ср. припев песенки G. Brasens’a «Parapluie»:

Un petit coin de parapluie
Contre un coin de paradis
Elle avait quelque chose d’un ange
Un petit coin de paradis
Contre un coin de parapluie
J’y perdais pas au change, pardi.

На этот текст обратила мое внимание Г. И. Кабакова, за что сердечно ее благодарю.

² Кстати, релевантность признака верхнего расположения поддерживается итал. *stare in paradiso* ‘жить на самой верхотуре’ (АВВУУ Lingvo 11).

³ Семантика театрального *райка* может поддерживаться оценочным признаком, важным для комплекса представлений о рае: сверху лучше видно театральное действо. Ср. польск. «Utrzymuje, że z raju najlepiej widać, bo kto z góry patrzy, wszystko widzi» (Варшавский словарь 5, 467).

⁴ В этом контексте фиксируется народно-этимологическое притяжение названия *Раёк* и апеллиатива *рай* ‘эхо, отзвук’, которое подробнее будет рассмотрено ниже.

⁵ Отметим попутно следующее обстоятельство: в привлеченных нами западнославянских исследованиях указано, что «адские» топонимы встречаются гораздо чаще «райских» (у чехов соотношение 52: 22, у поляков – 73: 22 (Lutterer 1968, 211; Malec 2000, 280–281)). В русской топонимии обратное соотношение: на 18 «райских» топонимов на территории Русского Севера и Поволжья приходится 6 «адских» (ТЭ). Возможно, это связано с сугубо внутрilingвистическими причинами: основа *pekl-* (чеш.), *piekl-* (польск.) в большей степени «вписывается» в систему топонимической номинации, чем *ad-* (может обозначать места, находящиеся на солнцепеке?). Этот вопрос требует дополнительных изысканий.

⁶ Интересно также орл. выражение *рай летают* (полетели) ‘о тихой, спокойной обстановке в доме, квартире’ (Орловский словарь 12, 76).

⁷ Говоря про «райские» обозначения воды, приведем еще один факт: в игре в «классики» *раем* называлась одна из последних клеток, которая имеет также параллельное обозначение *вода* (а клетка рядом обозначалась как *ад* // *огонь*) [просторечие г. Екатеринбург: личные записи автора]. Думается, что параллелизм *рай* // *вода* в данном случае не может служить аргументом в пользу исконной «водности» *рая*.

Скорее, здесь «водность» рая производна от «огненности» ада (в «огне ада» сгорают набранные участниками игры баллы). Ср. франц. *paradis / enfer* (при игре в классики) (<http://www/ac-grenoble.fr/patrimoine-education-promenade/jeu/activite/regles/marelle.htm>) (на этот факт обратила мое внимание Г. И. Кабакова).

⁸ Это растение, из которого добывают касторовое масло, носит также название *христова пальма*, которое является переводом франц. *Le Palma Christi* (Анненков 299).

⁹ Кстати, это может служить аргументом против версии А. Б. Страхова о том, что в слове **rajь* надо видеть деинтегрированную форму, родственную *росту/расти* и подобным (Страхов 2003, 115).

¹⁰ Ср. также *райко* заурал., нижегор., яросл. 'гулко, звучно, отдаваясь эхом': «В пустых покоях всегда райко», яросл. 'шумно': «Было райко, и кто шумел, разобрать было нельзя», нижегор. *райко* 'эхо, отголосок', *райкий* 'звучный, гулкий, отголосистый': «Райкое место, райкая зала» (СРНГ 34, 86).

¹¹ О том, что в раю царит тепло, свидетельствует также польск. *ciepło jak w niebie* (Бартминский, Небжеговская 1999, 65) и др.

¹² Вопрос о происхождении самого слова *вырей* (*ureй*) весьма спорен; среди имеющихся версий есть такие, которые свидетельствуют в пользу родства **rajь* и **jь-ръjь* (обсуждение вопроса см. в (Фасмер II, 137–138; ЭСБМ 11, 68; Трубачев 2002, 190; ЭССЯ 8, 237 и др.)).

¹³ Ср. польск. «Słyszeli po trzy dni u grobu anielskie śpiewanie i wonią rajską» (Варшавский словарь 5, 469).

¹⁴ Ср. устойчивые английские сочетания *fool's paradise — live in a fool's paradise* (АВВУУ Lingvo 11).

¹⁵ Заметим, что второе значение псков., твер. *райха* – 'скородел' (ДО 228) – является результатом дальнейшего развития негативных коннотаций.

¹⁶ Ср. харьковское поверье о том, что очистившиеся от скверны после обмытия рук повитуха и роженица считаются достойными войти «в рай», т. е. приступить к праздничному застолью (Кабакова 2009: 83).

Принятые сокращения

Анненков – Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей / Сост. Н. Анненков. СПб., 1878.

Бартминский, Небжеговская 1999 – Бартминский Е., Небжеговская Ст. Языковая картина польского рая и ада // Славянские этюды: Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 58–70.

Белова 2009 — Белова О. В. Радуга // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 386–389.

Белова, Толстая 2009 — Белова О. В., Толстая С. М. Рай // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 397–400.

Журавлев 2005 – Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.

Кабакова 2009 — Кабакова Г. И. Повитуха // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 82–84.

Кипарский 1956 – *Кипарский В. П.* [Рецензия]: *Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I, II, III (2. Lief.)*. — Heidelberg, 1950–1955 // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 130–138.

Меркулова 1993 – *Меркулова В. А.* [Рец.:] Словарь вологодских говоров. А–Г. Вологда, 1983 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988–1990. М., 1993. С. 195–196.

МНМ – Мифы народов мира. М., 1980–1982. Т. 1–2.

Некрылова 1988 – *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII — нач. XX в. Л., 1988.

Поспелов 1990 – *Поспелов Е. М.* Переименования городов и сел в СССР // Топонимика СССР. М., 1990. С. 45–57.

Седакова И. 2007 – *Седакова И. А.* Лингвокультурные основы родинного текста болгар: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2007.

Седакова О. 2004 – *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

Семенов – *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи: В 5 т. СПб., 1863–1885.

СРГО — Словарь русских говоров Одесщины. Т. 1, 2. Одесса, 2000.

Страхов 2003 – *Страхов А. Б.* Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge – Massachusetts, 2003. (Palaeoslavica. XI. Supplementum 1)

Трубачев 2002 – *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.

Трубачев 2004 – *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии: Слово – История – Культура. М., 2004. Т. 2. С. 477–478.

ТЭ – Топонимическая экспедиция УрГУ; топонимическая картотека ТЭ УрГУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).

ФСПГ – *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

АВВУУ Lingvo 11 – АВВУУ Lingvo 11: шесть языков. Электронный словарь [www.lingvo.ru].

Lutterer 1968 – *Lutterer I. Ráj a peklo v toponymii Čech* // Symbolae philologicae in honorem Vitoldi Taszycki. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1968. S. 209–217.

Malec 2000 – *Malec M. Ráj i piekło v toponimii Polski* // Onomastické práce. Sv. 4: Sborník rozprav k sedmdesátým narozeninám univ. prof. PhDr. Ivana Lutterera, CSc. Praha, 2000. S. 280–285.

NLI – Nouveau Larousse illustré. Paris, (s.d.).